

**Овсяннико-Куликовский Дмитрий
Николаевич**

**А.А. Потебня, как языковед-
мыслитель**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич О.**
А.А. Потебня, как языковед-мыслитель / Овсяннико-Куликовский Дмитрий
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 61 с.

ISBN 978-5-521-25991-5

ISBN 978-5-521-25991-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

русского языка и других славянских, широко пользуясь также данными и других индоевропейских языков. Исследования, сюда относящиеся, по богатству эрудиции, совершенству метода, глубинѣ и вѣрности взгляда, являются капитальными произведениями научной мысли и справедливо доставили ихъ автору одно изъ наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ именъ. Въ 1874 г. онъ выступаетъ съ классическимъ трудомъ по синтаксису („Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 2-е изд.—1889 г.), вслѣдъ за которымъ послѣдовали новыя работы по этимологии и фонетикѣ, по народной поэзии, опять по синтаксису—вплоть до начала 90-хъ годовъ. Вся эта обширная дѣятельность не сходилась съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли. Тѣмъ не менѣе эта философская подкладка оставалась какъ-бы въ тѣни и не была оцѣнена по достоинству. О ней знали только непосредственные ученики Потебни. Въ исследованияхъ этимологическихъ, фонетическихъ и т. д. она могла проявляться лишь изрѣдка и давала себя чувствовать весьма отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ замѣчаніи, брошенномъ мимоходомъ, въ той или иной постановкѣ спеціальнаго вопроса, при чемъ читателю приходилось самому извлекать философское основаніе этой постановки. Крайне скупой на слова, разъясненія, отступленія, Потебня писалъ въ родѣ того, какъ пишутъ математики. Оттуда между прочимъ и репутація Потебни, какъ ученаго „узкаго“, „крайняго спеціалиста“, чуть не „буквоѣда“, и незначительное пространство его идей даже въ той части публики, которая должна была бы знать его труды (филологи разныхъ специальностей, учителя русскаго языка, литераторы). Публика и не подозрѣвала, что авторъ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ и статей того же рода въ сущности и прежде всего—философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербардта, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще. Этой неизвѣстности Потебни, какъ мыс-

лителя, способствовало также и то, что специальные труды второго периода своею научною цѣнностью и авторитетностью заслонили его раннія работы (перваго періода), въ особенности замѣчательный этюдъ „Мысль и языкъ“, напечатанный въ журналѣ Мин. Нар. Просв. въ 1862 г. (нынѣ переизданъ семьею покойнаго ¹⁾). Этотъ этюдъ имѣлъ странную судьбу; онъ оставался почти неизвѣстнымъ въ теченіе 30 лѣтъ даже ученымъ, слѣдившимъ за трудами Потебни; а между тѣмъ знакомство съ нимъ оказывается необходимымъ для полнаго пониманія важнѣйшихъ трудовъ Потебни—по синтаксису и народной поэзіи, а кромѣ того, оно могло бы оказать весьма благотворное вліяніе на правильную постановку нѣкоторыхъ вопросовъ философскаго характера, представляющихъ извѣстный интересъ для всякаго образованнаго человека. Идеи, въ немъ выраженныя, точки зрѣнія, въ немъ установленныя, легли въ основу всѣхъ послѣдующихъ трудовъ Потебни, въ особенности же—синтаксическихъ и по теоріи словесности (не изданныхъ, также какъ и продолженіе синтаксиса, оставшееся въ рукописи). Эти капитальныя произведенія представляютъ собою осуществленіе на дѣлѣ того, что въ книгѣ „Мысль и языкъ“ высказано—какъ общій взглядъ, какъ теоретическая постановка вопросовъ. Наша задача и будетъ состоять въ томъ, чтобы связать „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ съ этюдомъ „Мысль и языкъ“ и, показавъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, что собственно доказалъ и открылъ Потебня, облегчить читателю-неспециалисту изученіе хотя-бы только важнѣйшихъ трудовъ покойнаго мыслителя.

II.

Въ основаніе лингвистическихъ изслѣдованій Потебни положена идея, сжатую формулу которой мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ: „Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть

¹⁾ „Мысль и языкъ“ А. Потебни. 2-е изд. съ портретомъ автора „Харьковъ 1892 г. (272 стр.) Всѣ литат. изъ этого сочиненія сдѣланы по этому 2-му изданію.

основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если приняли основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность. („Мысль и языкъ“, стр. 173). Основное положеніе, о которомъ говорится въ послѣднихъ строкахъ этого мѣста, принадлежитъ В. Гумбольдту, который училъ, что „die Sprache ist das bildende Organ des Denkens“.— Мы постараемся дать читателю общее понятіе о томъ, какъ развивалъ Потебня это положеніе въ своемъ раннемъ трудѣ „Мысль и языкъ“, исходя изъ идей Гумбольдта и отчасти пользуясь первыми работами Штейнтала.

Прежде всего нужно разяснить, что такое слово. Мы это сдѣлаемъ, если отдадимъ себѣ отчетъ, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ. Въ ряду послѣднихъ на первомъ планѣ стоятъ слѣдующіе два: звуковая форма и значеніе. Безъ нихъ слово немислимо. Отнимите отъ словъ *домъ, рыба, огонь, лошадь* и т. д. сочетаніе звуковъ, ихъ составляющихъ, и оставьте ихъ значенія,—и они перестанутъ быть словами, превратятся въ чистыя понятія или представленія. И наоборотъ: лишенное своего значенія, слово перестаетъ быть словомъ и превращается, по выраженію Потебни, въ „искусственный фонетическій препаратъ“ (Изъ записокъ по русской грамм., стр. 1). Если будемъ имѣть въ виду только эти два элемента, то мы опредѣлимъ слово, какъ „единство членораздѣльнаго звука и значенія“. Это опредѣленіе дѣйствительно пригодно для множества словъ въ родѣ вышеприведенныхъ *огонь, домъ, рыба* и т. д., хотя и не исчерпываетъ, какъ увидимъ въ свое время, всѣхъ ихъ свойствъ. Но во всѣхъ языкахъ, кромѣ подобныхъ словъ, существуетъ много словъ иного рода, въ которыхъ, кромѣ звука и значенія, усматривается еще третій элементъ. Таковы напр. у насъ—*молокососъ, подсыпщикъ, незабудка, удавъ* и другія живописныя слова, въ которыхъ, кромѣ значенія и звуковъ, мы ясно различаемъ извѣстный, сознаваемый говорящимъ способъ изображенія даннаго значенія. Мы не знаемъ или не отдаемъ себѣ отчета, почему *домъ* называется „домъ“, и какъ этотъ предметъ изображенъ въ этомъ

словъ; напротивъ, называя извѣстный цвѣтокъ *подснѣжникомъ*, или *незабудкою*, легкомысленнаго молодаго человѣка „*молоко-сосомъ*“ (т. е. уподобляя его грудному ребенку), извѣстную змѣю *удавомъ* и т. д., мы сознаемъ, что выдвигаемъ впередъ одинъ изъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ *признаковъ* данныхъ понятій и на немъ строимъ весь образъ предмета, обозначеннаго словомъ. Итакъ, кромѣ звука и значенія, здѣсь есть еще третій элементъ—представленіе. Оно сохраняется въ этихъ словахъ потому, что ближайшее этимологическое происхожденіе ихъ ясно для сознанія всякаго говорящаго на данномъ языкѣ. Даже неграмотному очевидна связь слова *подснѣжникъ* съ *подъ* и *снѣжъ*, слова *удавъ* съ глаголомъ *давить* и т. д., и эта очевидность производитъ то, что предметъ черезъ посредство такого слова не просто „обозначается“, а рисуется въ умѣ со стороны одного изъ своихъ признаковъ. Формула подобныхъ словъ будетъ уже другая: „единство звука, значенія и представленія“. Отношеніе представленія къ значенію мы будемъ называть *внутреннею формою* слова въ противоположность внѣшней—звуковой. Отсюда слѣдуетъ, что слова, лишенные представленія, какъ *домъ*, *огонь* и пр., въ то же время не имѣютъ и внутренней формы. Наличие послѣдней придаетъ слову нѣкоторый поэтический или художественный характеръ; ея исчезновеніе дѣлаетъ слово прозаическимъ, превращая его внѣшнюю форму, его звуки, какъ-бы въ простой знакъ, „алгебраически“ указывающій на извѣстное понятіе. Путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія, наука весьма часто открываетъ въ такихъ „прозаическихъ“ словахъ слѣды ихъ прежняго поэтическаго характера, слѣды представленія, нѣкогда въ нихъ находившагося, потомъ забытаго.¹⁴ Такъ напр., у насъ слово *мышь*; а равно и отвѣчающія ему по значенію и формѣ—нѣмецкое *Maus*, латинское *mus* и древнегреческое *μῦς*—представляются давнымъ-давно лишенными внутренней формы. Но *представленіе*, нѣкогда жившее въ этихъ словахъ, сохранилось въ соответственныхъ санскритскихъ *mūsh*, *mūshaka*, ибо ясна ихъ связь съ глаголомъ *mush*—*жрать*, и въ нихъ мышъ явственно изображена какъ *воръ*. Потеря внутренней формы есть процессъ высокой важности; какъ

увидимъ ниже, это своего рода *творческая сила* въ исторіи языка и мысли. Но ея дѣйствіе перекрещивается работою другой, также творческой силы, но противоположнаго характера—созданіемъ *новыхъ* словъ съ внутреннею формою. Приведенныя выше слова—*удавъ*, *подсѣжники*, *незабудка* и др. суть слова относительно новыя. Но помимо созданія *такихъ* новыхъ словъ, языкъ сплошь и рядомъ создаетъ новыя слова нѣсколько иного типа, примѣняя старыя, съ забытой внутренней формою, для обозначенія новыхъ понятій. Традиціонное значеніе такого слова (напр. домъ—зданіе, жилище) становится знакомъ или представленіемъ другого значенія (домъ—семья). Сюда относятся всѣ метафоры, которыхъ такъ много во всѣхъ языкахъ.

На этомъ пунктѣ мы пока приостановимъ анализъ элементовъ слова; представимъ себѣ, что въ словѣ ничего нѣтъ кромѣ звука, значенія и представленія,—и постараемся прослѣдить его дѣятельность въ смыслѣ *пружины, создающей нашу мысль*.

Въ основаніи *умственныхъ процессовъ* лежатъ *чувственные воспріятія*. Это тѣ впечатлѣнія, которыя мы получаемъ черезъ посредство органовъ чувствъ отъ окружающей насъ среды и отъ нашего собственнаго тѣла. Первоначально, напр. у ребенка въ раннемъ возрастѣ, эти воспріятія совершенно хаотичны: подчиняясь общему закону *ассоціаціи*, они сочетаются между собою какъ-попало, не группируясь въ опредѣленные и постоянные образы, такъ что воспріятый предметъ, напр. дерево, еще не отдѣляется отъ окружающей обстановки или отъ фона, напр. отъ собаки, лежащей подъ нимъ, отъ неба, на синевѣ котораго оно вырисовывается. Какъ извѣстно, полученные воспріятія могутъ сохраняться въ безсознательномъ состояніи, вытѣсненные изъ поля сознанія другими, и потомъ вновь выплывать наружу, пробуждаться въ сознаніи. Это то, что называется *памятью*. Вновь получаемыя воспріятія, въ силу все того же закона ассоціаціи, вступаютъ въ сочетаніе съ полученными раньше и сохраненными памятью, и на этой почвѣ возникаетъ и развивается, все усложняясь, умственная дѣятельность, сначала пассивная, потомъ приобретающая все

большую активность. Самым пассивным процессом должна быть признана та хаотическая ассоциация восприятий, о которой мы только-что говорили. Это по преимуществу,—ассоциация восприятий, случайно связанных въ пространствѣ (дерево на фонѣ неба, дерево и собака подъ нимъ), или полученныхъ одновременно (дерево и шумъ вѣтра). Уже менѣе пассивно то сочетаніе новыхъ восприятийъ съ прежними, которое осуществляется въ силу ихъ сходства и внутренняго сродства, когда напр. новое воспріятіе дерева оживляетъ въ сознаніи прежнее воспріятіе такого же дерева, но при измѣненіи обстановки. По мѣрѣ того какъ измѣняются обстановка и фонъ (прежде была собака подъ деревомъ, теперь ея нѣтъ тамъ, прежде небо было безоблачно, теперь оно покрыто тучами и т. д.), а между тѣмъ дерево остается то же, вызывая въ сознаніи воспріятія, полученные отъ него раньше,—въ душѣ развивается дѣятельность уже отличная отъ простой, такъ сказать, механической ассоциации: въ этой новой дѣятельности мы различаемъ *снятіе* сходныхъ и неизмѣнныхъ восприятийъ (дерева) воедино и *устраненіе* величинъ переменныхъ (неба, собаки), чѣмъ и полагается первое основаніе *единству образа* (дерева). Здѣсь же усматриваются первые проблески умственнаго процесса высокой важности,—такъ называемой (*апперцепции*), т. е. такого сочетанія представленій, при которомъ вновь полученное нѣкоторымъ образомъ объясняется прежними. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ новое воспріятіе дерева при другой обстановкѣ и на иномъ фонѣ, сочетаясь съ прежнимъ воспріятіемъ дерева, находитъ въ этомъ сочетаніи свою истинную классификацію, свое истолкованіе. Но это пока только проблески, только возможность или подготовка апперцепціи. Настоящая апперцепція есть процессъ уже активный, а не пассивный; она должна быть одухотворена извѣстной долей сознательности. Вотъ именно этотъ переходъ отъ пассивности умственныхъ процессовъ къ ихъ активности, къ ихъ сознательности осуществляется не иначе, какъ при участіи слова.

Первоисточникъ слова есть *рефлективный звукъ*, частью подражательный, частью „междометнаго“ характера. „Языкѣ“

дѣтей первоначально состоитъ изъ такихъ произвольныхъ звуковъ, сопровождающихъ воспріятіа и механически съ ними сочетающихся. Когда это сочетание установится, и ребенокъ привыкнетъ связывать извѣстные звуки съ извѣстными образами („му“ съ коровой, „жижа“ съ огнемъ и т. д.), тогда рефлексивный звукъ перестаетъ быть рефлексивнымъ и становится сознательнымъ орудіемъ апперцепціи. Благодаря ему, осуществляется настоящая апперцепція. Предположимъ, ребенокъ при видѣ дерева привыкъ произносить какой-нибудь слогъ. Всякое новое воспріятіе дерева будетъ сопровождаться у него тѣмъ же слогомъ, который съ каждымъ разомъ все тѣснѣе будетъ сростаться съ образомъ дерева, все болѣе очищаясь отъ постороннихъ примѣсей (обстановки и фона). Такое срастаніе даннаго слога съ даннымъ образомъ способствуетъ скорѣйшему его очищенію и объединенію. И когда въ хаосѣ вновь полученныхъ воспріятій ребенокъ вдругъ откроетъ присутствіе дерева и произнесетъ привычный слогъ, то въ этомъ актѣ рѣчи осуществится первая сознательная апперцепція дерева. Данный слогъ уже не будетъ рефлексивнымъ звукомъ, онъ явится въ качествѣ настоящаго слова съ опредѣленнымъ значеніемъ, и его произнесеніе будетъ актомъ сознанія, что предметъ (дерево) узнавъ, схваченъ мыслью въ его отдѣльности, что онъ апперцепированъ. Возьмемъ еще примѣръ. Если ребенокъ, еще не апперцепировавшій солнца, уже апперцепировалъ при помощи слова „жижа“ огонь (лампъ, каминъ), то онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи готовое орудіе и для апперцепціи солнца: онъ назоветъ и солнце „жижою“. Въ этомъ дѣтскомъ словѣ будетъ заключено цѣлое сужденіе, которое можно развернуть такъ: то, что я теперь вижу (солнце), есть нѣчто такое или то самое, что раньше я называлъ „жижа“ (огонь). Иначе: образъ огня, уже ассоціированный со словомъ *жижа* и составившій его значеніе, сталъ теперь знакомъ или представленіемъ другого значенія, другого образа (солнца). Создается слово съ внутреннею формою, и актъ его созданія есть въ то же время актъ апперцепціи новаго образа.

Такія примитивныя сужденія образуютъ основаніе всего нашего умственнаго развитія. Это уже активная и творческая работа мысли: апперцепція и сравненіе. Ими, этими словами-сужденіями, ребенокъ впервые сравниваетъ, осмысливаетъ, классифицируетъ и обобщаетъ матеріалъ воспріятій, постоянно притекающій извнѣ. Вся эта работа мысли имѣетъ своимъ результатомъ образованіе тѣхъ обобщенныхъ схемъ, которыя называются понятіями. Итакъ, примитивныя слова-сужденія предшествуютъ образованію понятій, и послѣднія безъ первыхъ были бы невозможны. Безъ участія слова возможны только тѣ несовершенныя и эмбриональныя понятія, какія наблюдаются у высшихъ животныхъ и очевидно достигаются у нихъ силами болѣе пассивныхъ и несознательныхъ процессовъ ассоціаціи по сходству, неосмысленныхъ дѣятельностью языка.¹⁾

Въ дѣлѣ образованія понятій участвуютъ различныя свойства слова; но могущественнѣе другихъ дѣйствуетъ здѣсь то, которое выше мы назвали *завеніемъ внутренней формы*. Отрѣшившись на мигъ отъ нашей развитой мысли, орудующей *понятіями*, представимъ себѣ умственные процессы до образованія этихъ послѣднихъ и постараемся проникнуть въ творческую работу *тѣхъ словъ-сужденій*, о которыхъ была рѣчь выше, со *значеніемъ* въ роли подлежащаго и *представленіемъ* въ роли сказуемаго. Пока внутренняя форма такого слова-сужденія еще жива и осязательна, пока его представленіе не забыто, оно является весьма несовершеннымъ орудіемъ образованія понятія. Возьмемъ примѣръ. Слово *травѣ* происходитъ отъ корня, который значилъ *ѣсть*, и первоначально имѣло значеніе *пищи, пищи*. Это значеніе, перенесенное на траву, стало представленіемъ новаго значенія, и слово-сужденіе „травѣ“ имѣло такой смыслъ: то, что я вижу и что имѣетъ такіе-то признаки (зелено, растетъ, вянетъ и пр.), есть пища. Пока сохранялась въ

¹⁾ Глухонѣмые не составляютъ исключенія: у нихъ есть свой языкъ, только не звуковой, а „графическій“ (жесты, а при извѣстной выучкѣ движеніе губъ и напечатанія буквъ). Относительная слабость умственныхъ процессовъ у глухонѣмыхъ состоитъ въ очевидной связи съ несовершенствомъ ихъ языка сравнительно съ языкомъ звуковымъ.

сознаніи внутрення форма этого слова, въ его значеніе могли входить только такіе признаки, которые не противорѣчили представленію. Потому всякая трава, негодная для употребленія въ пищу, исключалась изъ сферы сужденій, допускаемыхъ внутреннею формою даннаго слова. Съ тѣмъ вмѣстѣ многія опредѣленія, относящіяся къ травѣ, какъ таковой (въ нашемъ смыслѣ), а не какъ къ предмету пищи, представлялись случайными и не характерными для „травы“. „Трава зелена“ — это не важно, а важно то, что ее можно употребить въ пищу. Чтобы различные признаки травы выступили наружу и сгруппировались въ *понятіи* травы, необходимо было сперва забыть, что собственно значить слово „трава“, устранить представленіе „пищи“, въ немъ заключенное, т. е. его внутреннюю форму. Забвеніе послѣдней осуществляется постепенно, по мѣрѣ того какъ возникаютъ различныя сужденія, которыхъ сказуемыя выведены не изъ внутренней формы, а изъ значенія, напр. „трава растетъ“, „трава зелена“, „трава пахнетъ“ и т. д. Въ такихъ сужденіяхъ сказуемыя указываютъ на признаки, входящіе въ составъ *значенія* слова (трава) и независимые отъ его *представленія* (пищи). Нетрудно понять, что при частомъ повтореніи этихъ сужденій съ теченіемъ времени затеривается или ступевываются тотъ признакъ, который былъ связанъ съ внутреннею формою слова, и мысль все чаще и настойчивѣе обращается къ другимъ признакамъ, характернымъ для самой вещи и рисующимъ ее независимо отъ ея свойства служить пищею. „Чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ“, говоритъ Потебня, „перебывало при словѣ *трава*, тѣмъ на большее количество сужденій разлагается до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается атрибутами“ („Мысль и Языкъ“, стр. 160).

Это „обогащеніе субстанціи атрибутами“ есть образованіе *понятія*.

Субстанція въ свою очередь есть *понятіе* и — очень абстрактное; но въ этомъ видѣ она является, конечно, не въ началѣ образованія понятій, а въ концѣ, какъ своего рода философскій экстрактъ изъ нихъ. Въ данномъ случаѣ Потебня

имѣлъ въ виду не эту позднюю и высшую степень отвлеченія, а то зерно, тотъ эмбрионъ „субстанціи“, который усматривается въ самомъ началѣ процесса развитія различныхъ понятій. Вотъ именно этотъ эмбрионъ „субстанціи“, необходимый для образованія всякаго понятія (травы, дома, огня и т. д.), есть *даръ языка*. Возьмемъ опять въ примѣръ ребенка, который называетъ огонь „жижа“. По мѣрѣ того, какъ онъ послѣдовательно переноситъ это слово-сужденіе отъ лампы къ камину, къ зажженной спичкѣ, къ солнцу и т. д., въ его душѣ постепенно отлагается и крѣпнеть впечатлѣніе противоположности между всѣми этими переменными величинами и неизмѣнностью слова и связаннаго съ нимъ представленія, одинаково прилагаемыхъ ко всѣмъ имъ. Ощущеніе этой противоположности и есть первый шагъ къ „созданію категоріи субстанціи, вещи самой въ себѣ“ („Мысль и Языкъ“, 152). Этотъ процессъ Потебня называетъ также процессомъ созданія *общности образа*. Обозначая различные проявленія огня (въ каминѣ, лампѣ, солнцѣ) однимъ и тѣмъ же словомъ „жижа“, всякій разъ мысля представленіе, связанное съ нимъ, ребенокъ обобщаетъ образъ, и этимъ обобщеніемъ вызывается въ душѣ предрасположеніе противопоставлять различнымъ формамъ вещи ея неизмѣнную субстанцію.

Подводя итогъ всему вышесказанному о роли слова въ процессѣ образованія нашей мысли, мы получимъ слѣдующія положенія

1) Слово предшествуютъ рефлексивные членораздѣльные звуки, связанные съ чувственными воспріятіями.

2) Ассоциируясь съ группами воспріятій, эти звуки становятся ихъ знаками и превращаются въ слова.

3) Слово является орудіемъ *объединенія образа* (отдѣленія его отъ фона и другихъ постороннихъ примѣсей).

4) Оно служитъ средствомъ созданія *общности образа* и кладетъ основаніе категоріи *субстанціи*.

5) Оно, въ формѣ сужденій, является средствомъ *разложенья образа на его признаки*, что ведетъ, вмѣстѣ съ *сознаніемъ* его общности, къ образованію *понятій*.

Къ этимъ пяти положеніямъ прибавимъ еще одно, прямо изъ нихъ вытекающее: